МОРОКА

Служил один солдат на службе двадцать пять лет. Службу свою вел честно и верно, а с товарищами любил шутки шутить: скажет чего — незнаемо чего, а на правду похоже, другой-то и верит, пока не опомнится. Солдатская служба хоть и долгой была, да не все время солдат службу несет: и солдату надо себя потешить. Семейства у него нету, об обеде, о ночлеге старшой заботится, отстоял солдат время на часах — и сказки рассказывает. Чего ему!

Такой и этот был, Иван-солдат. Получил он отставку вчистую, пора ему домой к родным идти, а дом его далеко где, и от родных Иван давно отвык.

Вздохнул солдат:

— Эх! — говорит, — вся жизнь, считай, на солдатскую службу ушла: двадцать пять лет отслужил, а царя не видел. Спросит у меня родня в деревне, каков таков царь, а чего я скажу?

Пошел Иван к царю. А в том государстве царем был Агей, и любил Агей сказки слушать. Покуда Агей сказки не послушает, он и весел не бывал. Сам Агей-царь тоже любил сказки и загадки говорить; и любил он, чтобы слушали его, а еще больше любил, чтобы в сказки его верили, а загадки не разгадывали.

Приходит Иван к Агею-царю.

Агей говорит:

— Чего тебе, земляк?

— А лицо ваше царское поглядеть. Я двадцать пять лет прослужил, а вас в лицо не видал.

© Андрей Платонов. Волшебное кольцо. Русские сказки. Рисунки И. Л. Ушакова. М., 1960. С. 61-70.
© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2004
http://www.imwerden.de

Царь Агей велел солдату на стул сесть из резного дерева, что против царя стоял.

— Гляди, — говорит. — Посиди, солдат, на стуле, покуда тебя черти не вздули, — а сам тут смеется.

Ну, Иван сидит на стуле; робеет он перед царским лицом и думает: «Уж не дурной ли царь Агей? Чему так радуется — неужто тому, что черти солдата вздуют?»

— А что, солдат, загадаю я тебе загадку! — Агей-царь говорит. — Сколько свет велик, как ты думаешь?

Задумался Иван.

— А не дюже велик, государь, ваше царское величество. В двадцать пять часов без малого солнышко кругом всего света обходит.

Царь сказал Ивану:

— И то, солдат. А сколько от земли до неба вышины будет? Много ли, мало?

— Да тоже, государь, не дюже: там стучит — здесь слышно.

Видит царь Агей, правду говорит солдат, да обидно ему, что солдат на ум скорый такой, не скорее ли самого царя будет.

— А теперь скажи, служба: сколь морская глубина глубока?

— А чего глубока! Про то неизвестно. Служил на море мой дед, утонул в воду тому уже сорок лет, и теперь его нет.

Понимает Агей-царь, простою загадкою старого солдата не одолеть. Велел ему денег дать на домашнее обзаведение и за стол его посадил, чай пить.

— Представь мне, служивый, теперь историю, а потом я тебя домой отпущу.

А солдат богатым не бывает, он куда как деньгам обрадовался. Стало Ивану и у царя скучно, и чаю ему не надо.

— Дозволь мне, государь, погулять пойти. Двадцать пять лет я службу служил, дозволь своевольно пожить. А историю я тебе после представлю.

Ушел Иван от царя и пошел в трактир. Сутки солдат гулял, все царские деньги прогулял, остался у него один старый грош. Выпил он вина на последний грош, да своего, видно, не допил, и еще ему захотелось.

— Подавай, — говорит, — еще мне вина и угощенья, купец!

А купец обмана боится, он и спрашивает:

— А у тебя золото либо серебро?

— Золото: серебро солдату носить тяжело.

Дает купец солдату угощенье, а сам садится против него.

— Куда, служба, идешь теперь? — спрашивает. — Родня-то жива иль умершая?

— От царя иду, — солдат говорит, — откуда же! А родня солдату не нужна, ему и так все свойственники. Пей, купец, я тебя угощаю!

Выпил купец с отставным солдатом.

— Я тебе, — говорит, — сбавку сделаю, дешевле возьму.

А солдат Иван ему:

— Сочтемся. Пей еще, купец, угощайся!

Купец к угощенью привык, он сыто живет, а беседу любит.

— Скажи мне, — говорит, — служивый, быль какую ни есть.

— А какую тебе быль сказать, купец?

— А скажи что хошь: где ты жил, куда по земле ходил...

— А чего я тебе скажу: был я до службы в медведях да в лесу жил — и теперь медведь и тож в лес иду.

Купец услыхал такое и попервости оробел: у него свое ведь заведенье, в заведенье добра-товару много, а от медведя убыток может быть — чего с него спросишь?

— Ну? — говорит купец. — Аль правда?

— А нет ли? — отставной говорит. — Погляди-ко, кто мы. Я-то медведь, да и ты-то медведь!

Купец и вовсе обомлел: с кем, дескать, это я торговать стану, в медведях-то будучи!

Поглядел купец на отставного солдата, ощупал себя и видит: солдат-то медведь, да и сам-то он, купец, тоже теперь медведь.

— Чего будем делать, служивый? Неужто нам в лес бежать?

А отставной Иван отвечает:

— Не надобно. Смотри-ка, в лесу нас охотники побьют. В лес мы успеем.

— А чего ж нам нынче надобно? Головушка наша горькая! Медведи мы!

Отставной не сробел:

— А чего нам надобно? Медведей в купцах не бывает. Зови гостей со всех волостей, гулять будем. Не пропадать твоему товару-добру!

Видит купец — правду говорит Иван-отставной. Велел он слуге позвать гостей со всех волостей.

Явились гости — и те, кого звали, и те, кто про зов издалека слыхали. Поели гости, попили, ни крошки, ни капли в трактире не оставили и чашки-ложки домой побрали: к чему медведю посуда?

Остался купец без добра, без товара. Залез он с отставным солдатом ночевать на полати.

— Как мне быть? — говорит.

— А мы ночью в лес уйдем, — говорит отставной. — В городе, в посаде ли медведям жить не полагается, закону нету, штраф будет.

Проснулся ночью Иван и говорит купцу:

— Прыгай, медведь! Нам в лес пора. А я за тобой побегу, а то ты отстанешь от меня.

Купец наладился, прыгнул с полатей и ушибся животом об пол. Полежал он, очнулся, видит — ничего нету в трактире, всю торговлю гости даром поели, и того отставного солдата нету, и сам он не медведь, а опять купец, да победнее, чем был.

Стал купец искать по суду отставного солдата Ивана. А где его сыскать, когда Иван на волю ушел! Да и народ солдата везде привечает, в наказанье его не отдаст.

Пожаловался тогда купец царю. Царь позвал купца и спрашивает его:

— За что ты в обиде на старого солдата?

— Да что, государь, — купец говорит, — ведь он меня в медведя обратил! Я сглупу-то и поверил, а солдат твой весь товар мой, и снедь, и напиток, как есть все гостям даром скормил и сам досыта ел.

Царь Агей посмеялся над купцом.

— Ступай, — говорит, — наживай добро сначала. Противу ума закону нету, а от глупости всегда убыток.

И захотелось тут царю: пусть солдат представит ему историю, чтобы то, чего нету, было бы как по правде. Царь-то думал: «Авось солдат не умнее меня! Раз я царь, сказкой он меня не одолеет, а я над ним посмеюся».

Велел царь Агей найти отставного солдата Ивана, где он ни есть, где попусту ни гуляет.

Услышал Иван: царь его кличет, и сей же час явился.

— Я вот он, государь! — говорит. — Чего тебе?

Царь сперва велел самовар на стол поставить и чай пить велел Ивану. Налил Иван чаю в серебряную кружку, отлил из нее в блюдце и хотел было опять сесть на стул из резного дерева, да сел на табуретку. Царь тогда говорит ему:

— Ты, Иван, молодец. Слыхал я, ты купца в медведя обратил. А можешь ты и мне штуку представить, мороку какую?

— Могу, государь, я привыкши, да боюсь.

— Не бойся, служба, я люблю сказку-мороку.

— Знаем, — сказал Иван. — Да тут я тебе буду сказку рассказывать, а не ты мне... А который нынче час, государь?

Царь ответил:

— К чему тебе час? А первый будто.

— Стало быть, время! — сказал отставной солдат.

Сказал он так и вдруг воскликнул еще:

— Вода, государь, потопление! Бежим отсюдова скорей, а сказку я после тебе скажу, где сухо будет.

Не видит царь потопления, и воды нигде нету, а видит: отставной солдат тонет, захлебывается и ртом воздух поверху глотает.

Кричит ему царь:

— Опомнись, служба!

Глядь, а и самому дышать уже нечем: в грудь воды набралось, в желудке полно ее.

— Спасай меня, солдат!

Иван-солдат схватил царя:

— Агей, плыви бодрей!

Поплыл царь Агей. Видит он — впереди него рыба плывет. Рыба обернулась к нему.

— Не бойся, — рыба говорит, — Агей, это я, служба твоя!

Глянул царь на себя — и он рыбой стал. Обрадовался царь:

— Теперь не утонем.

— Нет, никак нет, — отвечает ему рыба Иван. — Живы будем!

Плывут они далее. Из дворца уплыли, по вольной воде плывут. И вдруг перед царем прочь пропала рыба Иван. Слышит только царь — кричит ему со стороны отставной солдат:

— Эй, Агей, плыви левей, а то спереди сеть, будут в ухе тебя есть!

Услышал царь солдата, а подумать не успел — и попал он в рыбацкую сеть. Глянул царь — и рыба Иван тут же.

— Чего же теперь, служба, делать будем? — спрашивает царь.

— Помирать, государь, будем.

А царю жить охота. Забился он в сети, выскочить захотел, да сеть крепка.

Вытащили рыбаки сеть наружу. Увидел царь Агей, как один рыбак схватил Ивана-рыбу, ободрал с нее ножом чешую и в котел бросил. «Ну, — подумал царь, — с меня чешую драть не будут».

Схватил рыбак рыбу, отсек ей голову и ту голову прочь забросил, а туловище в котел положил. И слышит тогда царь голос отставного солдата:

— Государь ты наш батюшка, а где ж твоя голова?

Захотел царь Агей ответить солдату: «А кожа твоя где? С тебя чешую всю содрали! Чего же ты не спас меня, окаянный?» Да ни сказать, ни крикнуть царь не мог: вспомнил он — головы у него нету.

Ухватил царь руками свою голову. Тут опомнился он и озираться начал. Видит царь — сидит он во дворце, как всегда бывало, сидит на мягком стуле, а против него на табуретке отставной солдат Иван сидит и чай из блюдца пьет.

— Это ты, Иван, рыбой был?

— Я, государь. Кто же еще!

— А кто думал, когда у меня головы не было?

Иван говорит:

— Опять же я, государь. Некому было.

Вскричал тут царь на Ивана:

— Вон из моего царства иди! И чтоб духу твоего слышно не было, и чтоб люди мои не помнили тебя, а забыли!

Ушел от царя отставной солдат и чаю только полблюдца выпил. А царь Агей тотчас по всему своему царству приказал, чтоб никто не смел принимать в свой дом Ивана — отставного солдата.

Пошел Иван ходить. Куда ни придет, куда ни попросится — «Царь пускать тебя не велел», — говорят и ворот ему не отпирают.

Оплошал сперва Иван. Дошел он до своей родни, и родня его не признает: царь, дескать, не велел тебя привечать.

Пошел Иван далее. Что же там?

Просится Иван в избу ночевать:

— Пусти, добрый человек.

— Пустил бы, да не велено! — хозяин говорит. — А коли пущу, так разве за сказку. Умеешь ты, нет ли, сказки рассказывать?

Подумал Иван:

— Умею, пожалуй!

Пустил его крестьянин ночевать.

Рассказал ему Иван сказку. Сначала хозяин слушал без охоты: «Чего, — думает, — скажет солдат! Солжет да каши попросит». Глядь — в середине сказки хозяин улыбнулся, потом задумался, а под конец сказки и вовсе себя забыл, кто

он такой. Думает, что и сам он уже не мужик, а разбойник, мало того: и царь он морской, а не то просто бедный, да премудрый прохожий человек. А ведь и нет будто ничего: сидит один отставной солдат, губами шевелит и слова бормочет. Опамятовался хозяин и просит еще сказку у солдата. Тот еще рассказал, другую сказку. На дворе уже светать начало, а солдат с хозяином и спать не ложились. Иван-солдат уж которую сказку говорит, а хозяин сидит против него и плачет отрадными слезами.

— Будет! — сказал тут Иван. — Ведь я тебе всего дела — сказку сложил. Чего зря слезы тратишь?

— Да от сказки твоей, — отвечает хозяин, — душе счастье и уму раздумье.

— А вон царь Агей рассерчал на меня, — вспомнил Иван, — прочь велел мне уйти куда глаза глядят.

— Так тому и быть полагается, — сказал хозяин. — Что царю в обиду, то народу в поученье.

Поднялся Иван с места, стал прощаться с хозяином, а тот ему говорит:

— Бери в избе что хочешь. Мне ничего теперь не жалко, а тебе в дорогу, гляди, понадобится что.

— А у меня все есть, хозяин, мне ничего не надобно. Спасибо тебе!

— А не видать того, что есть у тебя!

Отставной солдат ухмыльнулся:

— Вот и нет ничего у меня, а ты любое добро свое отдаешь. Значит, есть на что со мной меняться.

— Правда твоя, — согласился хозяин. — Ну, прощай, да впредь заходи, гостем будешь.

И пошел с той поры Иван по дворам, по чужим деревням. Повсюду его за обещанье, что он сказку скажет, и ночевать пускали и ужином кормили: сказка-то оказалась сильнее царя. Только бывало, если до ужина он сказку начнет, то ужинать уж некогда было, и люди, кто слушал его, есть не хотели, поэтому отставной солдат прежде сказки всегда щи хлебал.

Так оно было вернее. С одной-то сказки, не евши, тоже не проживешь.